

Историческое знание как тестовая методика анализа фона напряженности на юге России

Т.П. Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению возможностей современного исторического знания в диагностировании ситуации на юге России. Отмечается, что высокая степень присутствия прошлого в жизни народов региона, активная апелляция к нему в спорных ситуациях обосновывают необходимость проведения исторической экспертизы. Предлагается авторская методика взаимосвязи типов исторической памяти северокавказских народов с текущими политическими событиями.

Ключевые слова: исторические знания, текстовая методика, юг России.

Изменения, переживаемые современной историографической практикой, а также утверждающиеся представления об истории как о сфере приблизительно достоверного знания придают науке о прошлом ряд принципиально новых возможностей не только сугубо познавательного, но и практического свойства. В частности, обозначившиеся потребности в технологизации социально-гуманитарного знания, нацеленные на глубинное осмысление кризисных явлений как общенационального, так и регионального порядка, актуализируют востребованность опыта прошлого по обеспечению устойчивого развития российского общества в условиях его кардинального реформирования. Вместе с тем, сохраняющиеся особенности социально-экономического и культурного многообразия российских регионов требуют не только прояснения причин их возникновения и характера современного бытования, но и возможностей дальнейшего использования.

Оценка потенциала и перспектив сложившихся на сегодняшний день систем жизнеобеспечения, по преимуществу, полиэтничных и поликонфессиональных субъектов РФ нуждается в комплексной экспертизе, неотъемлемой частью которой выступает историческое знание. Его привлечение к обеспечению эффективности развития южного макрорегиона будет способствовать снижению степени социальных рисков и выработке научно обоснованных стратегий принятия и реализации тех или иных решений. При этом ряд особенностей знания о прошлом, наличие разнообразных практик его истолкования и одновременное сосуществование несхожих и зачастую взаимоисключающих представлений о нем требуют весьма осторожного обращения с историческим наследием.

История и ее положение в современном обществе. Представление об истории как огромном резервуаре разнообразных знаний о прошлом, ха-

рактер и оценка которого весьма неустойчивы и подвержены идеологической конъюнктуре, составили ей репутацию во многом ложную и до некоторой степени поверхностную. Длительное время, сопрягаясь в общественном сознании с совокупностью происшедших событий, история постепенно утрачивала свое второе и более отвечающее ее сути предназначение – быть повествованием о происшедшем, своего рода нарративным текстом. Между тем, именно повествовательность придает процессу воскрешения прошлого те смысловые коннотации, посредством которых оно «встраивается» в современную нам действительность, претендуя на связь времен и поколений. Более того, именно в этом своем предназначении история властно вторгается в сферу общественного сознания, формируя направленное восприятие прошлого и его осязаемое присутствие в уже иной, но остающейся с ним неразрывно связанной реальности настоящего.

В своем обращении к историческому прошлому современные общества, за редким исключением, преследуют цели сугубо воспитательного характера, практически не выходящие за рамки созидания гражданского патриотизма и высоких образцов беззаветной преданности и служения Отчизне. Его привлечение к более серьезным аналитическим оценкам и экспертным заключениям рассматривается весьма скептически и настороженно, что, помимо идеологической ангажированности исторического знания, связывается и с не разработанностью его экспертных возможностей.

Особые отношения российского общества с собственным прошлым, когда оно становится не столько источником его развития, сколько выражением цивилизационной гордости и культурной своеобразности, сформировало и особое положение гуманитарного знания в социальном пространстве. Нормальным признается «его маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуяно страстью узнать, что случилось в далеком или недалеком прошлом, с ним что-то не в порядке: оно страдает либо от внутреннего антагонизма, либо от комплекса национальной вины, либо от комплекса национальной неполноценности. Для обычного общества его история и его культура остаются данностью, в принципе важной для его самосознания, но лишенной злободневного азарта» [1].

Современное общество с его сложносоставной социальной структурой, одновременным сосуществованием анклавов традиционализма и проявлений постиндустриального мира все чаще обращается к истории как науке, которая «стабилизирует наш образ прошлого, тогда как нормальным процессом является именно его изменение» [2]. Завораживающая обращенность в прошлое, а также активная апелляция к нему характерны для большинства российских народов. Однако наиболее выраженную форму они приобретают в регионах, где этнические преференции получают правовую поддержку и институциональное закрепление в системе органов государственной власти и управления.

Системная характеристика макрорегиона, показатели устойчивости его развития и механизмы возникновения очагов потенциальной напряженности. Южный макрорегион, в состав которого входят различные администра-

тивно-территориальные и национальные образования, а население тяготеет к предельной выраженности этнического и конфессионального разнообразия, одновременно относится к территориям с большими возможностями для развития и к самым проблемным регионам страны. Амбивалентность данной характеристики исходит из множественности системообразующих признаков, чье крайне неравномерное распределение в ее пределах приводит к неустойчивости существования самой системы. Обеспечение ее эффективного функционирования во многом предопределяется ориентацией на (а) устойчивое развитие, (б) типом системы, а также доминирующим характером взаимосвязи образующих ее элементов и их конфигураций.

(а) Принцип «*sustainable development*», вошедший в русскоязычную исследовательскую практику как «устойчивое развитие», имеет естественнонаучное происхождение. Он зародился в среде специалистов, занимающихся проблемами развития популяций, жизнедеятельность которых проходит в той или иной конкретной экосистеме и не должна нарушать ее целостности. Впоследствии данное понятие с легкостью перекочевало в политическую сферу «в виде своеобразного компромисса между научным пониманием современной реальности и стремлением предложить ее более реалистические перспективы» [3]. В настоящее время понятие устойчивого развития соотносится с любыми изменениями, воспринимаемыми в качестве положительных. Согласно принципу Парето-эффективности, выступающему в качестве индикатора положительности восприятия любых преобразований, происходящих в наиболее значимой социальной сфере, устойчивым будет признаваться такое изменение положения социального объекта, которое не приведет к снижению положения других, связанных с ним объектов.

(б) Социальные системы, в соответствии с классификацией Р. Флада и М. Джексона, подразделяются по принципу количественной и качественной характеристики составляющих их элементов на простые и сложные, по виду участия элементов и подсистем в обеспечении их жизнедеятельности – на жесткие и мягкие. В основе выделения жесткого и мягкого типа социальных систем лежит определенный тип взаимосвязи элементов системы:

- унитаризм, предусматривающий высокую степень согласия относительно целей, ценностей и установок и предполагающий участие всех элементов системы в выработке основополагающих решений;
- плюрализм, согласно которому интересы и ценности участников системы могут различаться, но согласие между ними достижимо за счет выработки компромиссного решения;
- принуждение, когда интересы, цели и ценности участников системы различны, приводят к конфликтам, в результате которых одна часть системы навязывает свои решения другой.

Унитаризм составляет основу исследования жестких систем и представлен методами исследования операций, системотехникой и методологией жизнеспособных систем. Все они ориентированы на решение задач оптимизации текущих процессов. Плюрализм обеспечивает изучение мягких систем, в жизнедеятельности которых принцип их внутреннего разнообразия

признается основополагающим. Методология мягких систем предназначена для выявления различных точек зрения и постепенного достижения взаимопонимания. Принуждение является основой существования так называемых критических систем. Их исследование нацелено на принятие во внимание точек зрения всех заинтересованных сторон, учет последствий изменений и возможных побочных эффектов принимаемых решений.

Южный макрорегион как системное образование представляет собою сложную систему с одновременным доминированием двух типов взаимосвязи – плюрализма и принуждения – и соответственно двух типов систем – мягких и критических. При этом они не просто сосуществуют в пределах пространства одного макрорегиона, а одновременно представлены в рамках одной и той же подсистемы. Наиболее наглядно отмеченная особенность проявляется в области государственного управления и форм административно-правового устройства, совмещающих приверженность однозначности государственных интересов и разнообразию их реализации. Совмещение в едином пространстве различно организованных систем, характер внутренней взаимосвязи которых воспринимается нарушением принципа Парето-эффективности, становится источником его потенциальной дестабилизации и очагов тлеющей и открытой конфликтности.

Неравномерность как базовая системообразующая характеристика макрорегиона становится источником фонового (шумового) напряжения его развития. Проявления фоновой напряженности весьма разнообразны и колеблются от особенностей ресурсного обеспечения до болезненного восприятия прошлого, «живым» напоминанием которого все еще остаются территориальные конфликты и «войны памяти». По оценкам экспертов, в 1990-е гг. «динамика напряженности на юге России была во многом обусловлена усилением значимости исторического контекста в связи с ошибками и просчетами Федерального Центра в формировании и проведении региональной этнополитики» [4]. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов станет историческая память с ее весьма болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям. И хотя в последующие десятилетия удалось достигнуть значительного снижения «исторического» фона конфликтности в регионе, он все еще остается довольно высоким и во многом провоцируется непродуманными мероприятиями и инициативами той же власти. К их числу можно отнести широко празднуемые в конце 2007 г. 450-летние юбилеи присоединения северокавказских республик к России. Не говоря уже о научной некорректности и сомнительности оценок подобного рода событий, их политическая непродуктивность оказалась более чем очевидной.

Экспертиза и экспертные возможности исторического знания. Экспертиза как тестовая методика обычно применяется в ситуациях, когда решение ставящейся перед исследователем либо практиком задачи затруднено в силу определенного рода обстоятельств: новизны анализируемого явления, комплексности его природы, отсутствия общепринятых практик фиксации и

инструментария наблюдения. В данном случае речь идет о классе трудно-формализуемых задач, для разрешения которых требуется привлечение специалистов, обладающих соответствующим опытом и знаниями. Экспертное заключение включает в себя диагностику состояния исследуемого объекта (процесса), установление информации о нем и окружающей среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие объекты (процессы), выработку рекомендаций для принятия последующих управленческих решений. Обоснованность и необходимость проведения исторической экспертизы на Юге России обуславливается высокой значимостью знания о прошлом в общественном сознании народов региона; его «живым» присутствием в обеспечении жизнеспособности национальных образований, сложностью территориальной конфигурации самого региона, внутренние и внешние границы которого свою легитимность зачастую обретают лишь в пространстве исторических реалий. При этом исторические реалии и память о них относятся к подвижным и, по большей своей части, рукотворным образованиям, чья актуализация приводит к довольно неоднозначным и зачастую конфликтным последствиям.

На «подвижные» взаимоотношения истории и памяти одним из первых обратил внимание французский историк П. Нора, отметивший: «История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [5]. Воплощением этого «детального удобства» становятся так называемые «места памяти» – «отдельные точки кристаллизации нашего коллективного наследия, главных мест, в которых сосредоточена национальная память» [6], «красивое выражение, ставшее золотой жилой, находкой, благодаря его способности удовлетворить потребности коллективных переживаний» [7]. Для народов региона ими стали: вхождение в состав Российской империи; Кавказская война и ее последствия; мухаджирство и трагедия адыгского этноса; советская национальная политика и репрессии предвоенного времени; депортации ряда северокавказских народов. Настойчивое обращение профессиональной историографии к отмеченному сюжетному ряду придает отдельным событиям прошлого особое положение в пространстве национальной памяти. Именно они становятся тем движущим локомотивом национального сознания, небезуспешно формируемого и разнообразными практиками современного историописания, который переиначивает образы прошлого, наделяя их животворящим присутствием в настоящем.

По характеру и силе воздействия на современное развитие народов Юга России «память о прошлом» (в основном концентрируемая в «местах памяти») условно подразделяется на ту, которая постоянно присутствуют в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя; и ту, которая действует избирательно, при определенных обстоятельствах. Общества с первым типом воздействия памяти, по терминологии некогда предложен-

ной К. Леви-Стросом, относятся к «горячим», со вторым типом – к «холодным». Именно в обществах «горячего» типа фоновая напряженность в большей степени провоцируются «памятью прошлого», отягощенного его зримым присутствием во властных и административно-территориальных реалиях настоящего. В данной связи представляется возможным к обществам «горячего типа» на Юге России отнести:

- Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию, где зримость прошлого находит отражение в сосуществовании двух «титulyных» этносов и осложняется синдромом «этнической ущемленности» одного из них;

- Адыгею, где «титulyный» этнос пребывает в ситуации численного меньшинства и постоянной угрозы «утраты национальной идентичности»;

- Северную Осетию с синдромом «разделенного этноса.

В свою очередь, к обществам «холодного» типа возможно отнести:

- Чеченскую республику и Ингушетию, где желание «жить по заветам великих предков» уступает место необходимости решения куда более насущных и неотложных проблем сегодняшнего дня;

- Республику Дагестан, поставленную в ситуацию необходимости выработки единого прошлого для проживающих в ее пределах народов;

- Республику Калмыкия, где синдром «депортированного народа» имеет выборочный механизм включения и амортизируется различного рода реабилитационными программами и мероприятиями федерального центра.

Предложенная градация весьма условна, до некоторой степени спекулятивна и подвержена изменениям внешнего порядка. Тем не менее, она отражает довольно высокий уровень воздействия прошлого на состояние и динамику современности. Наличие в регионе системного этнополитического кризиса, протекающего в условиях начавшегося процесса реполитизации этничности и архаизации общественно-политической жизни северокавказских народов, требует комплексной экспертизы, чьей непременной составляющей становится знание о прошлом, амортизируемое особенностями национального сознания и исторической памяти.

Примечания:

1. Живов В. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 27.

2. Зенкин С. Свидетели, историки, филологи // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 559.

3. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000. С. 69.

4. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) // Социологические исследования. 2007. № 9. С.73.

5. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 20.

6. Там же. С. 67.

7. Там же. С. 76.